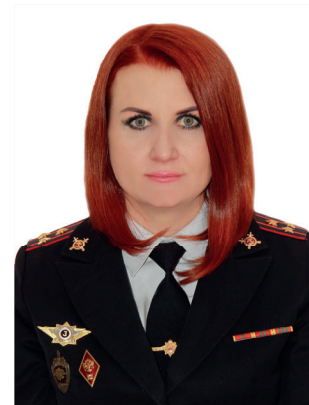

Научная статья
УДК 343.13
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-16

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИЗНАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕДОПУСТИМЫМИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Марина Эвальдовна Каац,
Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия,
renatnasir@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье анализируются отдельные вопросы признания доказательств недопустимыми в уголовном судопроизводстве Сирийской Арабской Республики¹, Турецкой Республики² и Исламской Республики Иран³; исследуются различные законодательные подходы стран Ближнего Востока к формированию уголовно-процессуальной теории недопустимости доказательств и критериев, которым должны соответствовать доказательства, пригодные для использования в сфере уголовного судопроизводства.

Материалы и методы: основу проведенного исследования составили общенаучные методы познания, а также сравнительно-правовой метод, применение которого позволило провести компаративистское исследование иранского, сирийского и турецкого уголовного процесса в рамках рассматриваемого объекта исследования. Материалами исследования явились фундаментальные теоретические положения, отраженные в работах российских ученых-процессуалистов, содержащие комплексный анализ уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой в отдельных странах исламской правовой семьи.

Результаты исследования: в статье первоначально обосновывается необходимость осуществления компаративистских исследований законодательства дружественных Российской Федерации⁴ стран ближневосточного региона. На основе краткого анализа отдельных положений Конституций Турции, Сирии и Ирана делаются выводы о типологии данных государств в зависимости от их отношения к религии. Далее теоретическому осмыслению последовательно подвергаются нормы уголовно-процессуального законодательства, регулирующие вопросы признания доказательств недопустимыми в сфере уголовного судопроизводства.

Обсуждение и заключение: институт недопустимости доказательств, установленный в уголовном судопроизводстве Сирии, Ирана и Турции, во многом схож с аналогичным российским уголовно-процессуальным институтом. Данное положение объясняется единообразным вестернизированным подходом к построению системы уголовной юстиции в целом и доказательственному праву в частности. Тождественность в определении недопустимости доказательств проявляется в соблюдении главного критерия – законности производства по уголовным делам.

Ключевые слова: недопустимость доказательств; уголовный процесс; страны Ближнего Востока; уголовный процесс Сирии; уголовный процесс Турции; уголовный процесс Ирана

© Каац М.Э., 2024

Для цитирования: Каац М.Э. Некоторые вопросы признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе отдельных стран Ближнего Востока // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 119 – 127. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-16

¹ Далее – Сирия.

² Далее – Турция.

³ Далее – Иран.

⁴ Далее – Россия, РФ.

Scientific article
UDC 343.13
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-16

CERTAIN ISSUES OF RECOGNIZING EVIDENCE AS INADMISSIBLE IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF CERTAIN COUNTRIES OF THE MIDDLE EAST

Marina Evaldovna Kaats,
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia,
renatnasir@mail.ru

Abstract

Introduction: the article analyzes certain issues of recognition of evidence as inadmissible in criminal proceedings of the Syrian Arab Republic, the Republic of Turkey and the Islamic Republic of Iran; it examines different legislative approaches of the Middle Eastern countries to the formation of the criminal procedural theory of inadmissibility of evidence and the criteria to be met by evidence suitable for use in criminal proceedings.

Materials and Methods: the basis of the study was formed by general scientific methods of cognition, as well as comparative legal method, the use of which allowed to conduct a comparativist study of Iranian, Syrian and Turkish criminal procedure in the framework of the object of study. The materials of the study were fundamental theoretical provisions reflected in the works of Russian scientists of proceduralists, containing a comprehensive analysis of criminal procedure carried out in individual countries of the Islamic legal family.

Results: the article initially substantiates the necessity of comparativist research of the legislation of the Middle Eastern countries friendly to the Russian Federation. Based on a brief analysis of individual provisions of the constitutions of Turkey, Syria and Iran, concise conclusions are drawn about the typology of these states depending on their attitude to religion. Then the norms of criminal procedural legislation regulating the issues of recognizing evidence as inadmissible in criminal proceedings are subjected to theoretical understanding.

Discussion and Conclusions: the institution of inadmissibility of evidence established in the criminal proceedings of Syria, Iran and Turkey is similar in many respects to the analogous Russian criminal procedural institution. This situation is explained by the uniform westernized approach to the construction of the criminal justice system in general and evidence law in particular. The similarity in determining the inadmissibility of evidence is manifested in the observance of the main criterion – the legality of criminal proceedings.

Keywords: inadmissibility of evidence; criminal proceeding; the Middle East countries; the criminal proceedings of Syria; the criminal proceedings of Turkey; the criminal proceedings of Iran

© Kaats M.E., 2024

For citation: Kaats M.E. Certain Issues of Recognizing Evidence as Inadmissible in the Criminal Proceedings of Certain Countries of the Middle East. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(2):119-127. (In Russ.). DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-16

Введение

На протяжении века Россия поддерживает дружественные отношения со странами Ближнего Востока, ежегодно укрепляющиеся в силу складывающейся геополитической обстановки. Так, в марте 2023 года была утверждена Концепция внешней политики Российской Федерации, в которой особое внимание уделяется вопросам исламского мира, отмечена востребованность отношений с государствами дружественной исламской цивилизации в вопросах обеспечения

безопасности, указано на необходимость «развития всеобъемлющего и доверительного взаимодействия с Ираном, всесторонней поддержке Сирии, а также углубления многопланового обоюдовыгодного партнерства с Турцией и другими государствами-членами Организации исламского сотрудничества»¹. Об открытости России для широкого сотрудничества с исламским миром указывалось Президентом России в мае 2023 года на форуме «Россия – Исламский мир», прошедшем в г. Казани². В декабре 2023 года В.В. Путин провел

¹ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.02.2024).

² XV Международный экономический форум «Россия – Исламский мир», 14 – 19 мая 2023 г. Казань. URL: <https://kazanforum.ru/> (дата обращения: 06.02.2024).

российско-саудовские¹ и российско-иранские² переговоры, в рамках которых лидерами данных государств вновь была отмечена целесообразность развития и укрепления дальнейших взаимоотношений. С 1 января 2024 года четыре страны исламской правовой культуры, включая Иран, вошли в состав БРИКС³.

Указанные обстоятельства обуславливают необходимость изучения различных аспектов жизнедеятельности стран Ближнего Востока, включая их юридическую сферу, отраслью которой является уголовное судопроизводство. В свою очередь, сердцевиной уголовно-процессуальной деятельности выступает доказательственное право как основополагающая составляющая любого юрисдикционного процесса. Одним из проблемных моментов доказательственной деятельности органов уголовной юстиции любой страны является институт допустимости доказательств, выступающий важной «гарантией от незаконного и необоснованного уголовного преследования» [1, с. 238].

Обзор литературы

При написании статьи использовались результаты монографических компаративистских научных изысканий В.Н. Григорьева, А.А. Сумина, О.В. Химичевой, П.А. Гусеновой, а также перевод уголовно-процессуального законодательства Ирана, Сирии, Турции, сделанный данными учеными. Кроме того, автор анализировал законодательство указанных государств исламской правовой семьи, находящееся в открытом доступе в сети Интернет.

Материалы и методы

Методологическую основу статьи составили классические общенаучные методы познания, при этом главным специальным (частнонаучным) методом выступает сравнительно-правовой, позволивший провести компаративистское исследование, проанализировав нормы иранского, сирийского и турецкого законодательства, регулирующего вопросы признания доказательств недопустимыми в уголовном судопроизводстве рассматриваемых государств. Материалами исследования явились в основном фундаментальные работы российских ученых процессуалистов, содержащие комплексный анализ уголовно-про-

цессуальной деятельности, осуществляемой в Иране, Сирии и Турции, а также нормативные предписания, содержащиеся в законодательстве данных стран мусульманского мира.

Результаты исследования

Уголовно-процессуальное законодательство Сирии, Турции и Ирана, наряду с российским уголовным процессом, относится к смешанному (континентальному) типу уголовного судопроизводства, выстроенному по французскому правовому образцу [2; 3, с. 76, 88; 4]. Это во многом определяет единый подход к формированию института доказывания и недопустимости доказательств в уголовном процессе с отдельными различиями, объективно обусловленными социально-политическими обстоятельствами развития каждого государства.

Так, в Законе об уголовном процессе Сирии 1950 года⁴, Законе об уголовной процедуре Турции 2004 года⁵ и Уголовно-процессуальном кодексе Ирана 2014 года⁶ наблюдается отсутствие систематизированной позиции к правовому отражению нормативной концепции доказывания. При этом, в отличие от других аспектов доказательственной деятельности, вопросы недопустимости доказательств раскрыты более широко. Следует также отметить, что объединяющим звеном теории доказательственного права рассматриваемых государств является то, что основной целью доказывания в них является достижение истины. Российское уголовно-процессуальное законодательство отказалось от категории «истины» в начале 21 века, однако ученые-процессуалисты продолжают вести дискуссии о ее существовании [5, с. 598; 6, с. 126, 127, 130; 7].

Для анализа обозначенной в статье проблематики обратимся в первую очередь к наиболее светской стране Ближневосточного региона – Турецкой Республике⁷.

В турецком уголовном процессе недопустимые доказательства логично именуется «запрещенными» и классифицируются в зависимости от потенциально возможных нарушенных запретов. Рассмотрим данные классификационные группы:

1) *запрет источника доказывания*⁸. К нему относятся различные иммунитеты и привилегии, имеющиеся у субъектов дающих показания.

¹ Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72921> (дата обращения: 06.02.2024).

² Там же (дата обращения: 06.02.2024).

³ Там же (дата обращения: 06.02.2024).

⁴ Далее – Закон об уголовном процессе Сирии.

⁵ Далее – Закон об уголовной процедуре Турции.

⁶ Далее – УПК Ирана.

⁷ Согласно ст. 2 Конституции Турции, Республика Турция является демократическим, светским и социальным государством, основанном на нормах права.

⁸ В литературе данный запрет поименован запретом темы доказывания [2, с. 54].

Согласно ч. 1 ст. 45 Закона об уголовной процедуре Турции воздержаться от дачи показаний могут следующие лица:

подозреваемый, подсудимый, его невеста, жена (включая случаи расторжения брака), а также женщина, состоящая с ним в фактических брачных отношениях;

кровные родственники подозреваемого, подсудимого по восходящей и нисходящей линии (до второй степени родства включительно);

лица, связанные с подозреваемым, подсудимым отношениями правовой и материальной зависимости (опекун и подопечный, работодатель и заемщик, арендодатель и арендатор и т.п.) [2, с. 43].

Лица, которые не в состоянии осознать важность отказа от дачи показаний из-за своего несовершеннолетнего возраста, психического заболевания или умственной отсталости, могут быть заслушаны в качестве свидетелей с согласия их законного представителя. Если законный представитель является подозреваемым или подсудимым, он не может принять решение о том, следует ли этим лицам воздерживаться от дачи показаний (ч. 2 ст. 45 Закона об уголовной процедуре Турции). Обязанность должностных лиц объяснять вышеперечисленным субъектам о наличии у них права отказаться от дачи показаний предусмотрена в ч. 3 ст. 45 Закона об уголовной процедуре Турции.

В ч. 1 ст. 46 Закона об уголовной процедуре Турции перечислены лица, которые могут отказаться от дачи показаний в силу своего служебного (должностного) положения, в случае если необходимая по делу информация была получена ими в процессе осуществления профессиональной деятельности. К ним относятся:

адвокаты, стажеры и помощники адвокатов, предоставляющие юридические услуги подозреваемому, подсудимому, потерпевшему;

врачи, стоматологи, фармацевты, акушерки и их помощники, а также представители всех других медицинских профессий, оказывающие медицинскую помощь подозреваемому, подсудимому или его близким родственникам;

консультанты и нотариусы, занимающиеся финансовыми вопросами подозреваемого, подсудимого.

Последние две категории субъектов не могут отказаться от дачи показаний при наличии согласия заинтересованного лица, в пользу которого они могут свидетельствовать (ч. 2 ст. 46 Закона об уголовной процедуре Турции);

2) *запрет средств доказывания*. Нарушение данного запрета приравнивается к нарушению законодательно установленной процедуры до-

казывания [2, с. 54]. Полагаем, в данном случае подразумевается любое проявление несоблюдения принципа законности, то есть отступление от предписаний Закона об уголовной процедуре Турции;

3) *запрет на метод получения доказательств*. Аналогично предыдущему нарушению, данные запреты, основанные на несоблюдении принципа законности, предполагают, во-первых, прямое их нормативное установление, во-вторых, автоматическое признание недопустимым доказательством в случае допущенных нарушений.

Согласно ст. 148 Закона об уголовной процедуре Турции к недопустимым доказательствам должны быть отнесены показания подозреваемого, подсудимого, данные в отсутствие защитника и не подтвержденные ими в суде; показания подозреваемого, подсудимого, данные под влиянием наркотических средств и т.д.

Если проводить аналогию с российским уголовным процессом, то недопустимые доказательства третьей группы можно сравнить с ч. 2 ст. 75 УПК РФ, предусматривающей пять разновидностей доказательств, априори являющихся недопустимыми.

Вопрос о признании доказательств недопустимыми первых двух групп в уголовном процессе Турции является предметом судебного рассмотрения (ч. 1 ст. 217 Закона об уголовной процедуре Турции). «Обычно судами Турции применяется такой подход: допустимым является любое доказательство, если норма, определяющая порядок его собирания (получения), не содержит требования строгого исполнения определенной процедуры под угрозой признания ее недействительной, то нарушение этой процедуры само по себе не влечет обязательного исключения доказательств» [2, с. 55].

Следует обратить внимание, что ст. 281 Уголовного кодекса Турции предусматривает уголовную ответственность за «уничтожение, сокрытие или изменение доказательств преступления» (в российской интерпретации – за фальсификацию доказательств (ст. 303 УК РФ)), наказанием за совершение которых для должностных лиц является лишение свободы на срок до 10 лет. В России – в два раза меньше, что в этой части характеризует турецкое уголовное законодательство как более карательное.

В отличие от турецкого, сирийское законодательство сохранило в себе большие религиозные черты. Согласно ст. 3 Конституции Сирии, религией Президента республики должен быть ислам, а исламская юриспруденция позиционируется основным источником законодательства. К священ-

ному праву сирийских граждан относится свобода, к священной обязанности – воинская служба (ст. 33, 46 Конституции Сирии). Верховенство закона как основа правления в государстве предусмотрена ст. 50, а обязанность граждан по его соблюдению – ст. 35 Основного закона Сирии.

К допустимости доказательств, полученных в сфере уголовного судопроизводства, в данном государстве подходят с двух основных позиций: 1) при установлении формы собирания доказательств, она должна строго соблюдаться (ч. 2 ст. 175 Закона об уголовном процессе Сирии); 2) доказательство должно быть собрано без нарушения каких-либо законодательных запретов [4, с. 65].

Часть 1 ст. 175 Закона об уголовном процессе Сирии формулирует достаточно свободное отношение к форме (способам, методам), используемым в доказывании, определяя, что «доказательства уголовных преступлений, проступков и нарушений устанавливаются всеми методами доказывания, и судья выносит решение в соответствии со своим личным убеждением». Указанное законодательное предписание позволяет отдельным авторам совершенно справедливо приходиться к выводу о том, что в сирийском уголовном судопроизводстве «доказательства, за исключением некоторых, могут быть собираемы в любом процессуальном порядке, не запрещенном законом» [4, с. 68].

В качестве отдельных урегулированных законом форм собирания доказательств, при несоблюдении которых они будут признаны недопустимыми, можно привести следующие.

Согласно ч. 1 ст. 303 Закона об уголовном процессе Сирии, если обвиняемый, свидетели или один из них не владеют арабским языком, председатель суда назначает переводчика, которому не должно быть меньше восемнадцати лет. Переводчик приносит присягу осуществлять свою деятельность честно и добросовестно. В ст. 3 Декрета Президента Сирии от 5 мая 2014 г. установлено, что у кандидатов в судебные переводчики должна иметься соответствующая языковая подготовка, подтвержденная прошедшим обучением в университете или приравненной к нему образовательной организации [4, с. 60]. При несоблюдении данных процессуальных условий доказательства, собранные при участии переводчика, будут признаны недопустимыми (ч. 2 ст. 303 Закона об уголовном процессе Сирии). Таким образом, можно говорить, что сирийский уголовный

процесс в этой части опережает российский, не содержащий до настоящего времени положений, предъявляемых к лицам, участвующим в качестве переводчиков по уголовным делам. Поэтому в очередной раз отметим необходимость создания в России соответствующего института судебного (присяжного) переводчика [8, с. 253].

Согласно ч. 2 ст. 286 Закона об уголовном процессе Сирии свидетели в судебном заседании должны давать присягу «произносить истину», если этого не происходит, их показания также считаются недопустимыми (ч. 4 ст. 286 Закона об уголовном процессе Сирии)¹. Отметим, что последствия нарушения законодательных предписаний о недопустимости доказательств отражены в нормах сирийского уголовно-процессуального законодательства, регулирующего процедуру судебного рассмотрения уголовных дел. Это свидетельствует об общей тенденции стран исламского мира подходить к теории доказательств с позиции их окончательного формирования исключительно в судебных стадиях уголовного процесса.

Согласно ст. 181 Закона об уголовном процессе Сирии «недопустимо осуществлять доказывание посредством писем, которыми обмениваются обвиняемый и его адвокат». Не допускается привлечение переводчика из числа свидетелей и членов суда, рассматривающих дело, даже при согласии обвиняемого и прокурора (ст. 305 Закона об уголовном процессе Сирии). В ст. 193, 292 Закона об уголовном процессе Сирии установлена недопустимость использования в доказывании показаний близких родственников, бывших супругов, информаторов, получающих вознаграждение за предоставленные сведения², в случае оспаривания данных показаний сторонами.

В ракурсе затронутой проблематики следует отметить, что сирийский уголовный процесс, в отличие от российского, устанавливает «правило доверия правоохранительным органам». Так, согласно ст. 178 Закона об уголовном процессе Сирии «доказательства, полученные должностными лицами судебной полиции, магистратским судьей или следственным судьей, считаются допустимыми до тех пор, пока иное не установлено другими письменными доказательствами или показаниями свидетелей. Таким образом, закон формирует у судьи подсознательную позицию о том, что при прочих равных факторах доказательства стороны государственного обвинения имеют право на большее доверие, чем представляемые другой

¹ Примечательно, что свидетели со стороны защиты доставляются в зал судебного заседания за счет подсудимого, «если только прокурор не увидит в их показаниях ничего, что поможет раскрыть истину и тем самым освободит подсудимого от расходов» (ч. 2 ст. 291 Закона об уголовном процессе Сирии).

² В свою очередь, «показания информаторов, которым по закону не назначено денежное вознаграждение, принимаются, но прокурор должен сообщить суду об их дееспособности» (ст. 293 Закона об уголовном процессе Сирии).

стороной» [4, с. 71]. В свою очередь, ст. 6 Закона об уголовном процессе Сирии предусматривает, что сотрудники правоохранительной системы несут ответственность за расследование преступлений и сбор доказательств.

Законодательство Ирана, основанное на нормах шариата, и вестернизированное по собственной инициативе руководства страны [3, с. 75] «берет свое начало в положениях священного ислама, отражает моральные и духовные институты мусульман» [3, с. 70]. Так, согласно ст. 4 Конституции Ирана, все законы страны должны быть основаны на исламских нормах. Если в законе не предусмотрена соответствующая норма (процедура), судебное решение должно приниматься на основе авторитетных исламских источников или признанных фетв¹ (ст. 167 Конституции Ирана). Указанные положения сказываются на формировании подхода к расследованию преступлений, доказательственной деятельности и непосредственно институту недопустимости доказательств.

Спецификой доказательственного права данной страны является также то, что оно предусмотрено в том числе Уголовным кодексом Ирана 2013 года², так часть 5 данного нормативного правового акта именуется «Правила доказывания по уголовным делам».

В качестве критериев допустимости доказательств в иранском уголовном законодательстве можно выделить следующие.

1. Соответствие свидетельствующих субъектов требованиям законодательства.

Согласно ст. 177 УК Ирана, допустимый свидетель по правилам шариата должен отвечать следующим требованиям: половая зрелость, мудрость, вера, справедливость, законнорожденность, отсутствие личной выгоды в рассматриваемом деле, вражды ни с одной из сторон по делу, отсутствие опыта в занятии попрошайничеством и бродяжничеством. При этом, согласно примечанию 2 к данной норме, «если показания свидетеля в пользу стороны, с которой он (она) находится в конфликте, то они должны быть приняты». Если свидетель не достиг половой зрелости и мог различать добро и зло на момент дачи показаний, но достиг совершеннолетия на момент дачи показаний, его показания допустимы (ст. 179 УК Ирана). Показания людей с психическими расстройствами также преимущественно не допускаются, если только они не даются в период выздоровления (ст. 178, 180 УК Ирана). Показания с чужих

слов допускаются только в том случае, если лицо, их дающее, соответствует требованиям шариата и если главный свидетель умер или не может присутствовать по объективным причинам в суде. Показания, основанные на слухах, как и в российском уголовном судопроизводстве, недопустимы ни при каких обстоятельствах (ст. 188 УК Ирана).

В ст. 192 УК Ирана закреплено право опровергать или поддерживать свидетельские показания, по сути ходатайствовать об их недопустимости. Подобные ходатайства рассматриваются судьей в обязательном порядке, который может отложить судебное заседание на срок до 5 суток с целью установления обстоятельств, характеризующих личность свидетеля как соответствующего требованиям шариата (ст. 193, 197 УПК Ирана).

2. Расследование преступлений должно производиться надлежащим субъектом.

В качестве таких субъектов выступают следующие лица:

– служащие органов прокуратуры (ст. 98 УПК Ирана), одновременно относящиеся к органам судебной власти. Ими являются прокуроры, следователи, помощники прокурора. Последние проводят расследование по поручению прокурора по делам о наиболее серьезных преступлениях, перечисленных в ст. 302 УПК Ирана, наказуемых смертной казнью, пожизненным заключением, ампутацией конечности и т.п. [3, с. 92, 93];

– судья, назначенный главой судебного округа по запросу прокурора, в случае отсутствия сотрудников прокуратуры по вышеназванным преступлениям, обозначенным в ст. 302 УПК Ирана. Судья будет проводить расследование до тех пор, пока не отпадет причина его привлечения к расследованию (примечание к ст. 302 УПК Ирана). В других случаях осуществлять расследование может только суд. Речь идет о расследовании преступлений против нравственности (ст. 102, 306 УПК Ирана), преступлений несовершеннолетних (перечень приведен в ст. 340 УПК Ирана), а также правонарушений, совершенных детьми в возрасте до 15 лет (примечание 1 к ст. 285 УПК Ирана) [3, с. 94];

– уполномоченные должностные лица Министерства юстиции и других правоохранительных органов Ирана (по указанию прокурора). Согласно ст. 29 УПК Ирана к ним относятся полицейские служащие различного ранга, сотрудники тюремных заведений, Министерства разведки, Корпуса стражей Исламской Революции и других военных или полувоенных формирований. Про-

¹ Фетва – в исламском праве разъяснения какой-либо проблемы религиозно-правового характера, а также ответ на вопрос религиозного характера, которые даются муфтием.

² Далее – УК Ирана.

водя аналогию с российским законодательством, можно заключить, что указанные субъекты схожи с органами дознания. Все сотрудники допускаются к расследованию, если имеют соответствующую подготовку. Качество их подготовки проверяется прокурором один раз в два месяца (примечание 1 к ст. 30, 32 УПК Ирана). Так, согласно ст. 30 УПК Ирана, «расследование сотрудника, не имеющего свидетельства о прохождении обучения, признается юридически ничтожным» [3, с. 92, 93], по сути – недопустимым.

3. Доказательства не должны быть получены под принуждением, силой, пытками, психическим или физическим насилием, иначе они признаются недопустимыми (ст. 169 УК Ирана). Иначе говоря, незаконно полученные доказательства не должны рассматриваться в суде, поскольку все права дарованы мусульманину Богом и ни одно из них не может быть принесено в жертву другому [3, с. 55]. В УК Ирана установлена соответствующая уголовная ответственность за совершение данных действий. Согласно ст. 578 уголовного закона данной страны, «любой государственный служащий, судебный или несудебный представитель, который жестоко обращается и оскорбляет обвиняемого с целью заставить его дать признательные показания, приговаривается к тюремному заключению на срок от шести месяцев до трех лет; а если это будет сделано по чьему-либо приказу, то к указанному тюремному заключению приговаривается только лицо, отдавшее приказ; а если в результате злоупотреблений погибнет обвиняемый, то исполнитель убийства подлежит наказанию, предусмотренному для убийцы, а лицо, отдавшее приказ, должно быть приговорено к наказанию, предусмотренному для лица, отдавшего приказ».

Обсуждение и заключение

Ближневосточный вектор развития политики РФ, отражающий давно назревшую потребность российского государства «на "мягкое присутствие" в странах, потенциально испытывающих к России союзнические симпатии» [9, с. 10], предопределяет необходимость изучения различных сфер жизнедеятельности государств исламской правовой семьи, в том числе входящих в систему уголовной юстиции. Анализ законодательного

подхода Турции, Сирии и Ирана к определению категории «недопустимые доказательства» позволяет сделать вывод об их относительной схожести в части установления критериев допустимости используемой в уголовном судопроизводстве информации. Как и в российском уголовном судопроизводстве, институт допустимости доказательств в исследованных странах Ближнего Востока базируется на основополагающем принципе законности, который применительно к познавательному аспекту включает в себя, во-первых – наличие надлежащего субъекта формирования сведений, имеющих доказательственное значение, во-вторых – соблюдение процедуры (формы), средств, способов (методов) доказывания. При этом российское уголовно-процессуальное законодательство вполне могло имплементировать отдельные постулаты недопустимости доказательств, имеющиеся в рассмотренных странах ближневосточного региона. В частности, в ч. 2 ст. 75 УПК РФ следует предусмотреть невозможность использования в качестве доказательств показаний подозреваемого, обвиняемого, данных под влиянием наркотических средств, как это предусмотрено в ст. 148 Закона об уголовной процедуре Турции. Надлежит отдельно решить вопрос о возможности полноценного использования в доказывании показаний лиц с психическими расстройствами, обозначив условия их допустимости по аналогии со ст. 178, 180 УК Ирана. Для этого как минимум в п. 4 ст. 196 УПК РФ необходимо установить обязательность назначения экспертизы при возникновении сомнения в правильности восприятия обстоятельств дела не только потерпевшим, но и свидетелем. Также нуждается в решении давно назревший российский вопрос о квалификации переводчиков, привлекаемых к участию в уголовном деле, как гарантов «качества» и, соответственно, допустимости показаний, полученных при их содействии в процессе расследования. В этом отношении примером может послужить сирийский опыт обеспечения участия переводчиков в уголовном судопроизводстве и обозначенные в законодательстве данного государства требования, предъявляемые к указанным субъектам уголовно-процессуальной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Каац М.Э. К вопросу о совершенствовании механизма признания доказательств недопустимыми // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. № 2 (40). С. 237 – 243.
2. Григорьев В.Н., Сумин А.А. Введение в уголовный процесс Турции: монография. Москва: Юрлитинформ, 2018. 192 с.
3. Гусенова П.А. Исламский уголовный процесс: религиозно-правовая природа и характерные черты (на примере Исламской Республики Иран и Королевства Саудовская Аравия): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Санкт-Петербург, 2016. 458 с.
4. Сумин А.А., Химичева О.В. Введение в уголовный процесс Сирийской Арабской Республики: монография. Москва: Юрлитинформ, 2022. 192 с.
5. Делль Д.А. Обнаружение, фиксация и изъятие следов преступления как одна из задач стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 4 (46). С. 595 – 601.
6. Рахматуллин Р.Р. О необходимости фундаментального исследования проблем раскрытия преступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 124 – 131.
7. Колесник В.В. Принципы договорных уголовно-процессуальных производств по разрешению уголовно-правовых споров // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 4 (54). С. 107 – 114.
8. Каац М.Э. Вопросы обеспечения реализации лицами, проводящими расследование, принципа языка уголовного судопроизводства // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. № 2(44). С. 248 – 254.
9. Андреев М.В. Доктрина «мягкой силы» современной России: базовая стратегия укрепления национальной безопасности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 4 (50). С. 10 С. 8 – 11.

REFERENCES

1. Kaac M.E. K voprosu o sovershenstvovanii mekhanizma priznaniya dokazatel'stv nedopustimymi // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. № 2 (40). S. 237 – 243.
2. Grigor'ev V.N., Sumin A.A. Vvedenie v ugovolnyj process Turcii: monografiya. Moskva: YUrlitinform, 2018. 192 s.
3. Gusenova P.A. Islamskij ugovolnyj process: religiozno-pravovaya priroda i harakternye cherty (na primere Islamskoj Respubliki Iran i Korolevstva Saudovskaya Araviya): dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. Sankt-Peterburg, 2016. 458 s.
4. Sumin A.A., Himicheva O.V. Vvedenie v ugovolnyj process Sirijskoj Arabskoj Respubliki: monografiya. Moskva: YUrlitinform, 2022. 192 s.
5. Dell' D.A. Obnaruzhenie, fiksaciya i iz'yatie sledov prestupleniya kak odna iz zadach stadii vzbuzhdeniya ugovolnogo dela // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. T. 12. № 4 (46). S. 595 – 601.
6. Rahmatullin R.R. O neobhodimosti fundamental'nogo issledovaniya problem raskrytiya prestuplenij // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. T. 14. № 1 (51). S. 124 – 131.
7. Kolesnik V.V. Principy dogovornyh ugovolno-processual'nyh proizvodstv po razresheniyu ugovolno-pravovyh sporov // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. T. 14. № 4 (54). S. 107 – 114.
8. Kaac M.E. Voprosy obespecheniya realizacii licami, provodyashchimi rassledovanie, principa yazyka ugovolnogo sudoproizvodstva // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 2 (44). S. 248 – 254.
9. Andreev M.V. Doktrina «myagkoj sily» sovremennoj Rossii: bazovaya strategiya ukrepleniya nacional'noj bezopasnosti // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. T. 13. № 4 (50). S. 10 S. 8 – 11.

Информация об авторе:

Каац Марина Эвальдовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, renatnasir@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Kaats Marina E., Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, renatnasir@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 07.02.2024.

Статья принята к публикации: 25.06.2024.

Статья опубликована онлайн: 28.06.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.